

АЛЕКСАНДР ТОПАЛ

ДОНБАСС

ГРАВИТАЦИЯ ВРЕМЕНИ

СЕМЕЙНАЯ САГА

18+

Александр Топал

Гравитация Времени

«Автор»

2026

Топал А.

Гравитация Времени / А. Топал — «Автор», 2026

«Гравитация Времени» — семейная сага о нескольких поколениях, чьи судьбы проходят через войны, революции, потери, любовь и надежду. История начинается с Павла и Марии, а затем продолжается в жизни их детей, внуков и правнуков. Белая армия, репрессии, Великая Отечественная война, концлагерь, разлуки и возвращения становятся не только историческим фоном, но и испытанием человеческого характера. Это книга о памяти семьи и о незримой связи поколений — о том, как решения одних людей отзываются в судьбах тех, кто рождается спустя десятилетия. О любви, которая переживает расстояние и смерть, о вере, способной поддержать в самые тёмные времена, и о времени, которое меняет всё, кроме того, что мы продолжаем хранить в сердце.

© Топал А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	7
Полковник Белой Армии Павел	7
ГЛАВА 2	8
МАРИЯ	8
ГЛАВА 3	10
Дети Павла и Марии	10
ГЛАВА 4	12
ИВАН	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Гравитация Времени

Глава

ГРАВИТАЦИЯ ВРЕМЕНИ

Александр Топал

ПРОЛОГ

Мы не можем увидеть гравитацию, но всю жизнь ощущаем её силу. Так же и время. Оно незримо притягивает прошлое к настоящему, а настоящее — к будущему. Никто не способен вырваться из этого притяжения. И, возможно, именно поэтому судьбы людей, разделённых десятилетиями, оказываются связаны крепче, чем кажется.

Время никогда не уходит.

Оно лишь меняет лица.

Оно живёт в старых фотографиях, в пожелтевших письмах, в словах, которые однажды были сказаны за семейным столом.

Оно живёт в привычках, которые мы считаем своими, не подозревая, что когда-то они принадлежали нашим дедам.

Оно живёт в боли, которую мы не выбирали, и в любви, которую получили ещё до своего рождения.

Каждому человеку кажется, что его жизнь начинается с него самого. Но это не так. Она начинается задолго до первого вдоха — с судеб тех, кто жил раньше.

Эта книга — не только история одной семьи. Это попытка услышать шаги времени. Понять, как решения одного поколения становятся судьбой другого. Как войны, любовь, потери, надежды и вера проходят сквозь десятилетия, соединяя людей невидимой нитью.

Возможно, прочитав эти страницы, кто-то узнает своих предков. А может быть — самого себя.

ГЛАВА 1

Полковник Белой Армии Павел

Россия умирала в грязи.

Конец февраля выдался тёплым и сырым. Снег уже не был снегом — он превратился в серую кашу, смешанную с чернозёмом, конским навозом и кровью. Дорога тонула под сапогами. Люди шли молча. Усталые, осунувшиеся, давно переставшие понимать, куда именно ведёт их это бесконечное отступление.

Белая армия уходила на юг.

Над равниной висело низкое свинцовое небо. Ветер швырял в лица мокрый снег, словно сама земля хотела прогнать их прочь. Раненые кашляли в обозах. Кто-то бредил тифом. Кто-то молился. Кто-то уже ничего не боялся.

Полковник Павел шёл вместе со всеми.

Высокий, сутулый от усталости, в заляпанной шинели, он больше походил на старика, чем на офицера. Пальцы его давно потеряли чувствительность от холода, но всё ещё помнили другое — как держать хирургический инструмент. Всю войну он резал человеческую плоть, вытаскивал пули, сшивал разорванные тела и упрямо возвращал людей с того света.

Иногда — красных тоже.

Потому что для врача не существует своих и чужих. Есть только жизнь, которую ещё можно удержать.

Он слишком много видел за эти годы. Слишком много смерти. Слишком много русских людей, убивающих русских людей.

Страна сошла с ума.

Брат стрелял в брата. Сосед — в соседа. Одни кричали о свободе, другие — о справедливости, но кровь у всех была одинаково красной, и земля одинаково жадно впитывала её без остатка.

Павел уже понимал главное: в этой войне победителей не будет.

Когда красные настигли остатки их отряда, никто не стал разбираться, кто перед ними — офицер, санитар или хирург. У революции не было времени на подробности.

Их вывели к оврагу под утро.

Мокрый снег тихо падал на плечи.

Кто-то дрожал от холода. Кто-то крестился. Молодой поручик рядом беззвучно шептал молитву, глядя куда-то мимо мира.

Павел стоял спокойно.

За несколько секунд до выстрелов он вдруг подумал не о смерти.

Он подумал о доме.

О женщине по имени Мария, оставшейся в Юзовке. И о четверых детях. О том, что они будут жить уже в другой стране — страшной, новой, незнакомой. И о том, что его самого в этой новой жизни уже не будет.

Он не знал, что через много десятилетий его кровь всё ещё будет помнить эту дорогу. Этот снег. Этот страх. И эту странную, необъяснимую русскую способность — не ломаться даже тогда, когда ломается сама история.

Грянул залп.

И февральская грязь приняла их в себя.

ГЛАВА 2

МАРИЯ

В семье Павла эту историю рассказывали почти шёпотом. Без лишних подробностей. Словно боялись, что вместе со словами можно снова разбудить старое несчастье.

Его отец был мастером по камню. Не учёным, не начальником — простым человеком с тяжёлыми руками и редким терпением.

Он выкладывал арки из дикого камня, делал ступени, укреплял погреб. Работал медленно, основательно, будто строил не для людей — для времени.

Говорили, что камень его слушался.

(Свёкра-печника Марии звали дедом Курдей. У него были курдские корни, поэтому было такое прозвище.

А саму Марию называли «панночкой» из-за того, что она была замужем за Павлом. В те времена они жили хорошо, одевались красиво, а после смерти Павла жизнь изменилась. Мария вышивала скатерти и салфетки, вязала носки и варежки. Пошла в «наймы» и приносила домой корки и остатки еды, чтобы прокормить детей. А после её забрал дед Курдя.)

Однажды они с напарником Юрием копали землю под новый погреб на окраине станицы. Работа была обычная, тяжёлая. Сырая глина, корни, звон лопаты о щебень.

И вдруг — глухой металлический звук.

Сначала подумали — старое ведро или железка. Но из земли показался глиняный кувшин.

Тяжёлый.

Когда разбили крышку, внутри блеснуло золото.

Настоящие монеты. Старые. Жёлтые, тусклые, будто пролежали под землёй целую вечность.

Отец Павла долго молчал. Потом сказал:

— Надо сдать. Это не наше.

Но Юра только усмехнулся:

— Ты с ума сошёл? Поделим — и всё.

Разделили прямо там.

Напарник забрал свою часть и почти сразу ушёл. А отец Павла остался один.

Он выкопал маленькую ямку под кустом, спрятал монеты, засыпал землёй. Сверху, чтобы не забыть место, присел рядом и оставил приметную кучку.

Постоял ещё немного. Осмотрелся. И пошёл домой.

До дома он не дошёл.

На пустой дороге его кто-то подкараулил.

Избили страшно. Так, что после этого он полностью оглох.

В семье потом говорили — били не случайно. Слишком быстро всё произошло, и кто-то узнал про золото.

А когда спустя время попытались найти спрятанные монеты — ничего уже не было.

Будто земля сама их проглотила.

Юра всё-таки вернулся за второй половиной и не один.

После этого жизнь в доме словно потускнела.

Курдя сидел у окна, молчал, смотрел куда-то в одну точку. Мир вокруг него исчез без звука.

И только Мария осталась рядом.

Она ухаживала за ним много лет. Тихо. Без жалоб.

Чтобы позвать его к столу или показать что-нибудь, осторожно касалась его руки и слегка похлопывала ладонью.

Так они и разговаривали.

Через прикосновения. Через взгляд. Через терпение.

Наверное, именно тогда Павел впервые понял: настоящая любовь — это не слова и не страсть.

Это когда человек остаётся рядом, даже если жизнь отняла у вас почти всё.

После расстрела мужа Мария Афанасьевна осталась одна. С четырьмя детьми на руках.

Две дочери. Два сына.

И клеймо, от которого в те годы невозможно было спрятаться.

«Семья врага народа».

Эти слова тогда были страшнее нищеты. Страшнее голода. Страшнее самой смерти.

О Павле в доме старались говорить тихо. Почти никогда — вслух. Будто стены тоже могли донести.

Детей сторонились. Их не принимали ни в пионеры, ни позже в комсомол. Для других они были словно помеченные. Чужие.

В школе на них смотрели косо. Соседи старались не задерживаться у калитки. Люди боялись даже сочувствовать — слишком опасным было любое человеческое участие.

Жили бедно. Точнее — почти нищенски.

Иногда в доме не было ничего, кроме воды, куска чёрного хлеба и старой картошки.

Мария Афанасьевна работала где придётся, бралась за любую тяжёлую работу, только бы дети выжили.

А дети выросли слишком рано.

Девочки уже с пяти лет вязали носки и варежки на продажу. Маленькими пальцами, сбитыми до красноты, они работали вечерами при тусклом свете лампы.

Не играли. Не капризничали. Не жили как дети.

Работали.

ГЛАВА 3

Дети Павла и Марии

«Так, не из праха выходит горе, и не из земли вырастает беда; но человек рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх». Библия. Книга Иова 5:6–7.

Евдокия, Андрей, Надежда и Шура (Александр).

Все они родились ещё на заре XX века. И никто тогда не мог знать, сколько горя выпадет на их долю.

Впереди их ждали две войны.

Фашистский концлагерь для Андрея.

Без вести пропавший Шура, который «найдётся» уже после окончания Второй мировой — точнее, найдётся лишь место его захоронения...

Из детских воспоминаний я помню одну странную вещь: когда я спрашивал дедушку Андрея о концлагере, он никогда не мог договорить даже до конца одного предложения. Начи-
нал плакать.

Тогда я ещё не понимал почему.

А позже осознал: существуют такие ужасы, которые человеческий язык не способен пере-
сказать без слёз.

Уже потом бабушка Надя рассказывала мне, как после освобождения узников Красная Армия пошла дальше — добивать фашистов. А те немногие, кто выжил в лагерях смерти, отправились домой пешком.

Это только на карте кажется — «далеко».

На самом деле — почти полторы тысячи километров.

Несколько стран. Почти вся Украина с запада до востока.

Андрей вместе с другими бывшими узниками старался держаться возле железной дороги.

Там оставалась хоть какая-то надежда выжить. Поезда везли солдат на фронт, и иногда из вагонов выбрасывали пустые консервные банки, на дне которых ещё оставались крохи еды.

Эти остатки и были их главным питанием.

Когда Андрей наконец дошёл до порога родного дома, он весил меньше сорока кило-
граммов — его сначала даже не узнали.

Во двор вошёл худой, сутулый человек в чужой выцветшей одежде. Лицо было серым, будто присыпанным пеплом. Щёки провалились так глубоко, что глаза казались огромными.

Мать смотрела на него молча.

А потом вдруг тихо сказала:

— Андрюша?..

И только тогда заплакала.

Он стоял у калитки и тоже плакал. Но обнять мать сразу не смог — не было сил даже
поднять руки.

Но он смог.

Выжил.

Бабушка Надя рассказывала, что после войны Андрей никогда не выбрасывал хлеб.

Даже маленький засохший кусочек. Он аккуратно клал его на стол, разглаживал ладонью
и долго смотрел.

Словно видел перед собой не хлеб, а собственное спасение.

Его сёстры не видели концлагерей и не пережили того ада, который пришлось пройти
ему. Но горя им тоже выпало сполна.

Нет страшнее муки для родителя, чем хоронить собственных детей.

Надежда сначала похоронила мужа, а потом и сына.

Евдокия — обоих сыновей.

И не имеет значения, сколько лет детям — пять, сорок или шестьдесят. Для матери они всегда остаются детьми.

Все они были моими бабушками и дедушками.

Но мой род начинается именно от Евдокии.

Впрочем, так её почти никто никогда не называл.

Для всех она была просто Дуся.

Моя бабушка Дуся.

Добрая, тихая, родная.

Среди всего этого горя именно Дуся сумела сохранить в себе удивительную мягкость. Я до сих пор не понимаю, как после всего пережитого она умела так тепло улыбаться.

Наверное, она была мне даже ближе, чем мама.

Прости меня за эти слова, мама. Но это уже другая глава.

ГЛАВА 4

ИВАН

Высокий, стройный брюнет стоял на перроне и наблюдал, как в последний вагон длинного железнодорожного состава поднимаются люди.

Мужчины, женщины, старики, дети.

Одни шли с надеждой. Немцы обещали работу, достаток, новую жизнь вдали от голода и страха. Другие ступали на подножки вагонов с тяжёлым сердцем, словно чувствовали: дорога ведёт не к лучшей судьбе, а в неизвестность.

Люди в чёрной форме улыбались, говорили правильные слова, раздавали указания спокойными голосами. Но за этой вежливостью скрывалось что-то холодное и страшное.

Впереди была фильтрация.

Матерей разлучат с детьми.

Евреев отделят от остальных.

Кого-то отправят на работы, кого-то — в лагеря.

Многие уже никогда не увидят своих домов.

Иван понимал это лучше других.

По отцовской линии он был цыганом. Если бы немцы узнали правду, его жизнь закончилась бы быстро и без лишних разговоров. Но судьба распорядилась иначе. От матери ему достались светлая кожа и голубые глаза. Чёрные вьющиеся волосы ещё напоминали об отце, но внешность позволяла затеряться среди остальных.

Когда в Бахмут пришли оккупанты, Иван долго не раздумывал.

Он надел полицейскую форму.

Принёс присягу новой власти.

Стал служить тем, кого ещё вчера многие называли врагами.

Это давало главное преимущество — жизнь.

А вместе с жизнью — власть, привилегии и чувство безнаказанности.

Когда он узнал, что жена ждёт ребёнка, радости не испытал.

Беременная женщина мешала его новым планам.

Поэтому он быстро нашёл решение.

Её фамилия появилась в списках на отправку в Германию.

Так было проще.

Теперь ничто не связывало его руки.

Ни семья.

Ни совесть.

Ни ответственность.

Он смотрел вслед закрывающимся дверям вагона и чувствовал облегчение.

Жена исчезала из его жизни.

Навсегда.

Вокруг него жили люди, которые знали его с детства. Кто-то старался угодить новому полицейскому. Кто-то отворачивался при встрече. Кто-то плевал ему вслед.

Но война быстро учила молчать.

Страх стал частью повседневной жизни.

Когда состав тронулся и медленно покатился по рельсам, Иван ещё несколько секунд смотрел ему вслед.

Потом повернулся и направился к комендатуре.

Его ждал офицер СС.

Немцы недавно захватили группу советских парашютистов.

Их пока не расстреляли.

Он ещё не знал, что спустя несколько часов будет командовать расстрелом советских парашютистов.

Не знал, что место, где прозвучат выстрелы, переживёт и войну, и его самого.

Через много лет здесь появится памятник погибшим солдатам.

Каждое Девятое мая будут приходить люди с цветами. Старики, дети, ветераны. Они будут стоять в молчании, вспоминая тех, кто отдал жизнь за Родину.

Имя Ивана никто не вспомнит.

После войны его найдут, будут судить как пособника оккупантов и отправят отбывать наказание.

Годы пройдут за колючей проволокой.

Потом он выйдет на свободу.

Постаревший.

Уставший.

Никому не нужный.

Но от прошлого невозможно убежать.

Однажды судьба приведёт его почти на то самое место, где когда-то по его приказу погибли люди.

Там его встретят те, кто слишком хорошо помнил войну.

Не будет ни суда, ни адвокатов, ни последнего слова.

Будет только запоздалая расплата.

Так закончится жизнь человека, который ради собственного благополучия предал жену, соседей, свою землю и собственную совесть.

А пока Иван быстрым шагом шёл к комендатуре, считая себя хозяином своей судьбы.

А поезд уже увозил его беременную жену на запад.

Она не знала, что ждёт её впереди.

Но знала, что под сердцем уже бьётся новая жизнь.

Маленькая девочка.

Красивая.

Сильная.

Будущая женщина, которой предстоит пройти через многие испытания и сохранить в сердце свет.

Эта девочка станет моей матерью.

Моей мамой.

Самым дорогим человеком в моей жизни.

Но её история только начинается.

О ней — в следующей главе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.